

Судьба Мастера

Лев КОЛОДНЫЙ

ВЕРНУВШИСЬ в Москву после очередной поездки в Киев, Михаил Булгаков в мае 1923 года писал в очерке, появившемся вскоре в известной тогда газете «Накануне»:

«Ровно в шесть утра поезд абежал под купол Врянского вокзала, Москва. Опять дома. После наркатурной провинции без газет, без книг, с дикими слухами — Москва город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить».

Вот они, извозчики. На Садовую запресли 80 миллионов. Сторговались за полтинники. Поехали. Москва. Москва...»

Всего за полтора года почувствовал себя писатель истинным москвичом и полюбил город, без которого больше не представлял жизни.

Первое отмечено биографами появление его в Москве относят к 1916 году, когда он, будучи врачом, приехал с фронта за новым назначением, откуда уехал «в распоряжение смоленского губернатора». Недолго врачевал в глухом селе, потом в городе Вязьме, а это уже рядом с Москвой.

Первоначально у него пробудилось сильное желание освободиться от оков службы. На смену этому чувству пришло вскоре другое — расстаться и с медициной, служить которой повелел ему в юности долг перед семьей, заглушивший на довольно долгое время инстинкт к творчеству.

В конце 1916 года Булгаков безуспешно приезжал в Москву за отставкой по причине нездоровья.

По-видимому, уже никому не удастся утановить первый дом в Москве, который дал кров будущему писателю: пребывание в нем длилось недолго, особого значения в булгаковской судьбе он не сыграл и даже не выразился явно в его автобиографической прозе.

В годы гражданской войны военврач белой армии Булгаков хлебнул лиха, скитался по разным селам и городам. Осенью 1921 года на пути из Батуми в Москву шел по шпалам километров двести.

В город приехал ночью, в товарном вагоне. «Бездонная тьма. Лязг. Грохот. Еще катят колеса, но вот тише, тише. И стали. Конеч. Самый настоящий всем концам конец. Больше ехать некуда. Это — Москва. Москва». Первая ночь прошла в чьей-то пустовавшей комнате, где ему случайно удалось устроиться до утра с помощью попутчицы «курсистки-медики», с которой трое суток ехал в одном вагоне в столицу.

Ему тогда помог муж сестры, проживавший в центре города в доме на Садовом кольце. Родственник уехал, предоставив Булгакову возможность зацепиться за высвободившийся островок жилья в бушующих волнах жилищного кризиса, который переживала Москва.

Быстро решил новоявленный москвич проблему службы, став сотрудником Литературного отдела Главполитпросвета при Народном комиссариате народного просвещения...

Как рассказывал Булгаков друзьям, помогла ему решить проблему с жильем Надежда Константиновна Крупская, руководившая Главполитпросветом. И на Садовой, вблизи Триумфальной площади, которую в будущем назовут именем Маяковского, в типичном московском доходном, в пять этажей, доме получил комнату сотрудник Литературного отдела Главполитпросвета Михаил Афанасьевич Булгаков и жена Татьяна Николаевна. Соседи звали ее «быстрая дамочка», она всегда не ходила, а бегала...

Этому дому суждена долгая жизнь, и не только потому, что он выстроен капитально. Этот булгаковский дом памятен, конечно, всем, кто читал «Мастера и Маргариту», поскольку именно в нем разворачиваются многие события знаменитого романа, где с документальной точностью описаны и комната, и квартира, и дом, у которого видоизменен номер...

Это дом № 10 по Большой Садовой, принадлежавший до революции, как гласит справочник «Вся Москва», «московскому купцу Ил. Дав. Пигиту».

Долгое время старожилы называли его по-прежнему — дом Пигита. До революции дорогие многокомнатные квартиры здесь занимали коммерсанты, преуспевающие «свободные художники». После революции дом стал одной из «рабочих коммун», все его жильцы обязывались бесплатно обслуживать друг друга по своим специальностям; квартиры заселили люди, перебравшиеся из подвалов, барачков, с рабочих окраин. Дом этот Булгаков описал и в рассказе «№ 13, Дом Эльпитрабкоммуна».

Одним из «коммунаров» стал Михаил Афанасьевич Булгаков.

Хотя Михаил Афанасьевич был невысокого мнения о своем жилище, не раз писал о «проклятой пятидесятой квартире», тем не менее в его распоряжении оказалась отдельная комната, где хватало места и для кровати, и для обеденного, и даже письменного стола.

Служба в Литературном отделе, или, как его сокращенно называли тогда, Лито, длилась всего месяца два, но Булгаков успел за это короткое время проявить себя умелым организатором, сумевшим в невероятных трудных условиях разрухи наладить работу отдела, до его прихода владившего жалкое существование; в запущенной комнате воцарился порядок, появилась канцелярская мебель, сотрудники, появились, что самое важное, писатели.

Кроме Лито, в Главполитпросвете существовали отделы, ведавшие другими отраслями культуры — музыкой, изобразительным искусством... Все эти и многие другие организации, в том числе Наркомпрос, занимали громадное, одно из самых вместительных, бывшее жилое здание, выстроенное страховым обществом «Россия» на рубеже XIX—XX веков в стиле ренессанс на Сретенском бульваре. Здание это известно любителям архитектуры: несмотря на масштабы, высоту, оно не только вписалось в исторический центр, но и стало его украшением. Побывавший в Москве знаменитый архитектор Корбюзье считал одним из красивейших в городе. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

В «Записках на манжетах» указан точный адрес Литературного отдела Главполитпросвета: дом № 4, 6-й подъезд, 3-й этаж, кв. 50. Комната 7. 3-й этаж, кв. 50. Известна по многим фотографиям художественная ограда этого здания.

лестницу, по которой поднимался когда-то полный надежд Михаил Булгаков.

«В 6-м подъезде — у сетчатой трубы мертвого лифта. Отдышался. Дверь. Две надписи. «Кв. 50». Другая загадочная — «Худо». Отдышаться. Как-никак, а ведь решается судьба».

Судьба решилась тогда удивительно быстро и просто, все бы было хорошо, если бы Лито не ликвидировали. Эпоха военного коммунизма заканчивалась, в городе закрывались многие нерентабельные организации, снова начались поиски службы. «Обегал всю Москву — нет места. Валентки рассыпались». Это из письма от 9 февраля 1922 года.

Но несмотря на безработицу, полуголодное существование, Булгакова не покидали оптимизм, жажда деятельности. Он был внимательным наблюдателем и видел, как при новой экономической политике быстро менялось все кругом к лучшему.

Недолгое время день и ночь занимался журналистикой, поступив в открывшийся тогда частный «Торгово-промышленный вестник», газету для деловых кругов. Писал для нее то, что никогда не войдет в собрание его сочинений, даже самое полное. На счастье, газета вскоре закрылась — редактор не сумел сводить концы с концами.

В поисках газетной информации ему приходилось и тогда, и позднее работать

не столько головой, сколько ногами, подчиняясь закону «репортера ноги кормят». Он писал:

«Не из прекрасного далека я изучал Москву 21—24 годов. О нет, я жил в ней и истоптал ее вдоль и поперек... Где я только не был! На Мясницкой — сотни раз, на Варварке — в Деловом дворе. На Старой площади — в Центросоюзе. Заезжал в Сокольники, швыряло меня и на Девичье поле...».

...В Столешниковом переулке однажды Булгаков встретил своего недавнего товарища по Лито журналиста Арона Эрлиха. Тот привел безработного в редакцию «Гудка» на площадь Коммуны, откуда она затем переместилась на Солянку, в несколько комнат Дворца труда, так тогда стали называть бывший Воспитательный дом, одно из самых известных зданий Москвы, появившееся во времена Екатерины II в XVIII веке.

В редакцию «Гудка» тогда знали дорогу Юрий Олаша, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Константин Паустовский... Одни из них здесь работали в штате редакции, как Булгаков, являлись на службу ежедневно, писали письма рабочих — железнодорожников, писали статьи, очерки, фельетоны, которые пользовались особой популярностью. Другие выполняли разовые задания.

На страницах «Гудка» Михаил Булгаков напечатал десятки фельетонов, которые сочинял поразительно быстро. Одновременно с «Гудком» сотрудничал в другой редакции. Если первая являлась газетой рабочих-железнодорожников, то вторая — группы русских эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Советской властью, агитировавших оказавшихся на чужбине соотечественников за возвращение на Родину. Газета эта под названием «Накануне» печаталась в Берлине на русском языке. Самолетами, начавшими тогда регулярные рейсы между Москвой и Берлином, доставлялась в советскую столицу и продавалась в киосках, пользуясь большой популярностью. При газете издавалось несколько приложений, одно из которых — литературное — редактировал Алексей Толстой. Он по достоинству оценил талант Михаила Булгакова и не раз требовал от редакции: «Побольше Булгакова».

Помещалась московская редакция «Накануне» в центре, в Большом Гнездиновском переулке, в так называемом доме Нирензеев.

Редакция «Накануне» стала одним из литературных клубов Москвы начала двадцатых годов. В ней печатались Сергей Есенин, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Константин Федин...

На страницах этой газеты Михаил Булгаков создавал сочинения, которые представляют собой смесь очерка, репортажа и фельетона, где оперативность, точная репортерская деталь, образность очеркиста соседствуют с сатирой и юмором фельетониста.

Эти газетные публикации, посвященные злободневным событиям, полны автобиографических подробностей, в них мастерски запечатлена Москва начала 20-х годов, нелегкий быт москвичей. Каждое из этих сочинений, при всем различии, полное оптимизма, веры в будущее столицы и нового государства, чьи первые шаги открыл журналист Михаил Булгаков.

Не случайно один из его последних очерков, напечатанных в «Накануне» в мае 1924 года, заканчивался такими словами:

«Москва! Я вижу тебя в небоскребах!».

Михаил Булгаков с радостью описывал начавшийся в Москве на его глазах ремонт домов, дорог, его вдохновлял котел, где рабочие варили уличный асфальт, он в мельчайших деталях описал встреченного им однажды на московской улице мальчика, который под восторженными взглядами прохожих с ранцем на спине шествовал в школу.

По случайному совпадению не только Лито помещалось в квартире № 50, но и комната, где поселился Булгаков, находилась в квартире № 50. Все тяготы коммунального существования усугублялись соседом — неким Василием Ивановичем, на беду писателя оказавшимся зловещим нарушителем порядка и покоя. Он пил, буянил, сквернословил, а выпив, играл на гармоне так громко, что работать было никак невозможно. Булгаков самым тщательнейшим образом запечатлел типичное для Москвы тех лет житье «без квартир». Жизнь в квартире № 50 по Большой Садовой описал и Валентин Катаев, нередко бывавший здесь в гостях.

В автобиографическом повествовании «Алмазный мой венец» Валентин Катаев изобразил друга молодости в образе синеглазого.

— Он не был особенно ярко-синеглазым. Синеза его глаз казалась несколько выцветшей, и лишь изредка в ней вспыхивали дьявольские огоньки горящей серы, что придавало умному лицу нечто сатанинское...

Друзья собрались издавать сатирический журнал «Ревизор», разработав его программу, даже пошли в хорошо знакомый Булгакову Главполитпросвет за разрешением, из чего, однако, ничего не вышло.

— У синеглазого, — пишет Валентин Катаев, — был настоящий большой писательский стол, как полагают у всякого порядочного русского писателя, заваленный рукописями, газетами, газетными вырезками и книгами, из которых торчали бумажки закладок... На стене перед столом были наколоты разные мурьезы из иллюстрированных журналов, ругательные рецензии, а также заголовки газет «Накануне» с переставленными буквами, так что получалось не «Накануне», а «Нуненану»...

Вот за тем столом, в стенах комнаты и написаны «Белая гвардия», «Записки на манжетах», «Дьяволиада»...

Прежде чем роман «Белая гвардия» был обнаружен, в жизни Михаила Булгакова произошли важные события. Как вспоминает Валентин Катаев: «Жена синеглазого — Татьяна Николаевна — была добрая женщина и воспринималась нами, если не как мама, то, во всяком случае, как тетя». Они поженились в 1913 году, когда будущий писатель был студентом. Спустя одиннадцать лет в комнату квартиры № 50 на пятом этаже Михаил Булгаков явился с бутылкой шампанского, чтобы навсегда попрощаться с первой женой.

Один из диалогов с женой Булгаков запечатлел в таких словах:

— Больше я не могу. Сделай, что хочешь, но мы должны уехать отсюда.

— Детка, — ответил я в отчаянии, — что я могу сделать? Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи.

— ...Но ты никогда не допишешь романа. Никогда...

— А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, что от него будет жарко.

Алексей Толстой сказал Булгакову как-то в шутку, что писатель для достижения литературной славы должен жениться трижды. Эти слова оказались пророческими.

В начале 1924 года на литературном вечере произошла встреча Михаила Булгакова с Любовью Белозерской, молодой и красивой женщиной, приехавшей незадолго до этой встречи из-за границы вместе с вернувшимися из эмиграции сотрудиниками газеты «Накануне».

Вот как пишет она в воспоминаниях:

«После вечера нас позвали познакомиться. Перед мной стоял человек лет 30—32, волосы светлые, гладко причесанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, но зоркие, глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо, в общем, привлекательное. Лицо больших возможностей...».

Встреча эта состоялась в особняке в Денежном переулке (теперь это улица Веснина, дом под номером 5 стоит на пражском месте). В первые годы революции в особняке находилось германское посольство, проживал посол граф Мирбах, в июле 1918 года убитый здесь эсерами-террористами. В начале 1924 года особняк занимало «Бюробин», а в это время Бюро обслуживания иностранцев. В нем временно поселили в верхней комнате с четырьмя окнами возвратившегося из эмиграции известного в то время писателя И. Василевского, писавшего под псевдонимом Небукова, и его молодую жену Любовь Белозерскую.

Как она вспоминает, на тот званый вечер, где приездие решили познакомиться с москвичами, явились три писателя — Дмитрий Стонов, Юрий Слезкин и Михаил Булгаков. С Юрием Слезкиным судьба свела Булгакова после окончания гражданской войны на Северном Кавказе, во Владикавказе, где они работали вместе в подотделе искусств.

Юрия Слезкина как писателя тогда Белозерская знала хорошо, а вот имя Булгакова встречала только на страницах газеты «Накануне».

Первая встреча могла бы остаться без продолжения, если бы не случай. В конце зимы того же года Булгаков неожиданно встретил шедшую ему навстречу по московской улице знакомую. «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке...».

Это слова из «Мастера и Маргариты». Примерно тоже случилось тогда в жизни Булгакова.

— Все самые важные разговоры происходили у нас на Патриарших прудах, — вспоминала Любовь Евгеньевна. — Вскоре там состоялся решительный разговор. Михаил Булгаков на свое предложение — выйти за него замуж — получил мое согласие.

Первое время жить в каком-то особняке в одном из арбатских переулков, в чужой комнате, пока хозяйин-студент находился на практике. Вместе писали пьесу «Из французской жизни» под названием «Белая глина». Шутя и играя сочинили два акта.

Но все это было, конечно, не самое главное. Самое главное заключалось в том, что в общем мало кому известный тогда литератор успел к 33 годам написать роман «Белая гвардия», главы из которого читал друзьям в литературных кружках. В марте 1924 года газета «Накануне» сообщила: «Роман «Белая гвардия» является первой частью трилогии и прочитан был автором в течение четырех вечеров в литературном кружке «Зеленая лампа»...».

Роман появился на страницах журнала «Россия» в следующем году, где был опубликован, однако, не весь. То был один из первых ударов судьбы. Заметили молодого романиста и во МХАТе, предложив инсценировать роман. Поступила заявка на пьесу от вахтанговского театра... В те же дни, когда печатался роман, московское издательство «Недра» готовило к выпуску первую книгу — сборник «Дьяволиада». Кроме повести, давшей название книге, вошла в нее и повесть «Роковые яйца», вызвавшая высокую оценку Максима Горького: «Остроумно и ловко написаны «Роковые яйца» Булгакова...».

Все в том же 1925 году произошло еще одно важное событие в жизни стремительно набиравшего высоту писателя, отмеченное в книге регистрации актов гражданского состояния. Маломогильский закс, расположенный в Халомничевском переулке, 3, в свое время выдавший свидетельство о браке Сергею Есенину и Айседоре Дункан, 30 апреля зарегистрировал брак Михаила Булгакова и Любови Белозерской.

Этой женщине посвящена «Белая гвардия» — и таким посвящением, по ее словам, на ее долю выпало три.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.